

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

**Образы западника и славянофила в водевилях
конца 1840-х – начала 1850-х гг.**

основная образовательная программа бакалавриата по
направлению подготовки 45.03.01 «Филология»

Исполнитель:
Обучающийся 4
курса
Образовательной программы
«Отечественная филология
(Русский язык и литература)»
очной формы обучения
Лаврищева Елизавета Владимировна

Научный руководитель:
к.ф.н. Зубков К.Ю.
Рецензент:
к.ф.н. Балакин А.Ю.

Санкт-Петербург

2018

Оглавление

Оглавление	2
Введение	3
Глава 1. Изображение идейной полемики в водевиле В.А.Соллогуба "Сотрудники, или Чужим добром не наживешься"	6
§1 Образ славянофила	9
1.1. Внешняя характеристика	13
1.2. Убеждения и взгляды	18
§2 Заключение	27
Глава 2. Водевиль П.А. Каратыгина "Натуральная школа" в контексте журнальной полемики середины XIX века	28
§1. Прототипы в водевиле «Натуральная школа»	28
§2 «Репертуар и Пантеон» о «Натуральной школе»	46
Заключение	50
Источники и литература	53

Введение

Тема идеологической борьбы кружков западников и славянофилов не раз привлекала внимание исследователей. В кругу рассматриваемых проблем были отдельные аспекты этой борьбы: философский, общественно-политический, культурный, исторический.

Цель настоящей работы — показать, какими являлись западники и славянофилы в глазах именно их современников, а не в ретроспекции, в свете философского, исторического, культурологического осмысления. На данный момент мы имеем определенные образы участников обоих идеологических лагерей: они обусловлены большой исторической дистанцией, культурным багажом, историческими знаниями, которые мы имеем. Но в таком виде образы сложились не сразу, современникам славянофилы и западники представлялись совершенно иначе.

В центре настоящей работы вопрос — каково было отношение к общественной полемике западников и славянофилов у двух драматургов, никак к этой полемике не причастных, и как это отношение нашло воплощение в их литературных произведениях. Таким образом исследование поможет взглянуть, какими западники и славянофилы были в глазах людей, которые не читали их дневников, мемуаров, переписки, даже программных сочинений; как оба образа начали формироваться в глазах современников. Впоследствии же этот сложившийся шаблон начал функционировать в культуре и истории, но истоки его могли быть разнообразны и неоднородны. Кроме того, оба персонажа являются одними из первых публичных изображений того, как западники и славянофилы могли предстать в глазах

общественности, за пределами двух своих закрытых групп. Литературные произведения, в той или иной мере затрагивающие идейные столкновения западников и славянофилов, также могут быть рассмотрены как экспликация взглядов современников в отношении идеологической борьбы эпохи. Этим объясняется актуальность выбранной темы.

В соответствии с этой целью будут поставлены следующие задачи:

- проанализировать контекст возникновения рассматриваемых произведений ("Сотрудники, или Чужим добром не наживешься" В.А.Соллогуба, "Натуральная школа" П.А. Каратыгина.);
- предположить, что авторы знали о западниках и славянофилах на момент написания произведений, как они эксплицировали свое знание, что меняли и переиначивали в источниках, с которыми работали;
- на основе фонового материала попытаться сделать предположения о конкретных прототипах тех или иных героев в анализируемых произведениях;
- далее - попытаться прийти к выводу, какой позиции в отношении идейной полемики придерживались авторы анализируемых произведений;
- интегрировать их позицию в общий ход полемики;
- попытаться прийти к выводу о том, как жанровая специфика произведений влияет на трансформацию источников, почему для описания полемики избран тот или иной художественный метод; как в рамках поэтики того или иного жанра раскрываются характеры героев.

В качестве материала будут использованы программные сочинения западников и славянофилов, так или иначе влияющие на ход литературной полемики; воспоминания участников кружков, переписку. Также источниками будут служить общие научные работы, описывающие идейную борьбу середины XIX века и поэтику натуральной школы.

Глава 1. Изображение идейной полемики в водевиле

В.А.Соллогуба "Сотрудники, или Чужим добром не наживешься"

Появление пьесы В.А. Соллогуба "Сотрудники, или Чужим добром не наживешься" приходится на период господства водевиля на сцене. По словам В.Г. Белинского 40-е годы – время, когда «водевиль завладел современною сценою и исключительным вниманием публики»¹. Вслед за исследовательницей драматургии периода А.Н.Островского А.И.Журавлевой, в качестве причины возросшей популярности этого жанра можно назвать ориентированность водевиля на некоего единого зрителя, на какую-то конкретную зрительскую группу. «Предполагалось, что зрители имеют один и тот же круг знакомых, служат в соседних департаментах, читают одни и те же газеты и журналы. Подобное единство бытовых и культурных впечатлений – необходимое свойство для зрителей водевилей, потому что основа жанрового содержания и поэтики водевиля – его злободневность. фельетонность, легкая карикатурность всеми узнаваемых типов»: отмечает Журавлева².

Помимо Журавлевой попытки проанализировать причины популярность водевиля на русской сцене предпринимала еще одна исследовательница драматургии XIX века – И.С. Чистова. Одним из факторов, способствовавший распространению жанра, она называла

¹ Белинский В.Г. Собр. соч.: В 13 т. Т 4. М., 1954. С. 63.

² Журавлева А.И. Русская драма эпохи А.Н. Островского // Русская драма эпохи А.Н. Островского. М., 1984. С. 16.

отсутствие полноценной комедии, полнейший застой на сцене³. Действительно, водевили писались и ставились с чрезвычайной скоростью, и это часто сказывалось на их художественной составляющей: с той же легкостью они забывались публикой. Во многом для зрителя (или читателя) не играло принципиальной важности даже авторство того или иного водевиля: специфику и приметы стиля этот жанр почти исключал.

Пьеса "Сотрудники, или Чужим добром не наживешься" имеет определенное жанровое обозначение: драматическая пословица. Драматическая пословица мало чем отличается от водевиля, в самом названии вторая часть представляет собой пословицу, которая и будет разыграна на сцене. Подобное определение жанра некоторым образом "осовременивает" пьесу, ставит в оппозицию традиционному водевилю.

Также существует мнение, что к середине XIX века водевиль уже отчасти утрачивает свои специфические особенности и начинает тяготеть к другим комедийным жанрам. Если взглянуть на московскую театральную афишу одного только 1845 года, то можно встретить самые разнообразные авторские определения жанра: «комедия-водевиль», «комедия с куплетами», «шутка водевиль», «шуточная оперетта-водевиль» и так далее⁴. То есть вполне возможно, что специфика драматической пословицы как особенного жанра довольно условна.

³ Чистова И.С. Водевиль 1830 – 1840-х годов // История русской драматургии. XVIII – первая половина XIX века. Л., 1982. С. 411.

⁴ История русского драматического театра: в 7 т. Т. 4. М., 1979. С. 46.

Произведение Соллогуба было написано для благотворительного спектакля домашнего театра мецената А.К. Галлера и посвящено его племянницам-исполнительницам главных женских ролей - Н.П.Компанейщиковой и З.П. Башиловой. На сцене Александринского театра премьерный показ состоялся 25 ноября 1852 года⁵.

В своей пьесе В.А. Соллогуб изображает своеобразное идеологическое столкновение двух героев: славянофила Олеговича и западника Ухарева. Произведение написано во время литературной полемики и борьбы кружков западников и славянофилов (пьеса опубликована в 1851 году), исходя из этого, можно заключить, что Соллогуб приписал героям самые характерные черты, которыми обладали, по его мнению, представители двух противоборствующих течений. То есть, последовательно проанализировав, какими автор изображает героев полемики, мы сможем прийти к выводам об отношении к этой полемике человека совершенно к ней не причастного.

В.А. Соллогуб (1813 – 1882) вошел в историю литературы прежде всего как драматург и создатель известной повести «Тарантас». Автор произошел из аристократической семьи, получил домашнее образование, хорошо знал представителей света; в 1830-х и 1840-х годах он работал в основном в жанре светской повести. Переориентировавшись на драматургию, Соллогуб писал водевили. В них автор в основном откликался на какие-то современную ему моду, тенденции и увлечения света. Например, водевили 40-50-х годов:

⁵ Журавлева А.И. Русская драма эпохи Островского. С. 224.

«Букеты или петербургское цветобесие», «Мыльные шары», «Дагеротип или знакомые все лица», «Модные петербургские лечения» и, наконец, «Сотрудники, или Чужим добром не наживешься».

Изображение на страницах произведения столкновения западника и славянофила существует в рамках водевильной традиции. Водевиль просто обязан отвечать запросам современной общественной жизни; по большому счету все действие пьесы строится на "комическом осмыслении новостей бытовой и идеологической жизни"⁶. Так и «Сотрудники» существовали в некотором роде как отклик на полемику между двумя противоборствующими лагерями.

§1 Образ славянофила

Образ славянофила в пьесе имеет сугубо жанровую обусловленность: в первую очередь, это водевильный персонаж, одномерный и не имеющий психологической разработки, но в то же самое время в рамках водевиля Олегович еще и носитель определенной поведенческой стратегии. В этой связи стоит сослаться на работу Ю.М.Лотмана «Декабрист в повседневной жизни», где описывается конституирование и функционирование декабризма как определенного поведенческого типа: «Многочисленные документы отражают различные стороны бытового поведения дворянского революционера и позволяют говорить о декабристе не только как о носителе той или иной политической программы, но и как об определенном культурно-

⁶ Там же. С. 17.

историческом и психологическом типе»⁷. Здесь стоит сказать, что подобно тому, как существовало какое-то особое бытовое поведение декабриста, отличающее его от массы современных и образованных дворян первой четверти XIX века, так существовал очевидно и особый культурный код славянофила, который в определенный момент сформировался в сознании современников. Однако декабрист в статье Лотмана и славянофил в «Сотрудниках» представляют собой скорее две полярности: Лотман описывает, как литературная модель оказывает влияние на реальность, на реальное поведение людей, у Соллогуба же ситуация обратная: его Олегович – изображение того, как, по мнению самого автора, могли вести себя славянофилы в действительности.

Одна из задач предстоящего исследования – попробовать предположить источники того, как именно произошло складывание этого культурного образа славянофила.

Когда Лотман описывает формирование декабриста как поведенческого кода, он оговаривается во избежание упрощенного понимания: «при этом не следует забывать, что каждый человек в своем поведении реализует не одну какую-то программу действия, а постоянно осуществляет выбор, актуализируя какую-либо стратегию из обширного набора возможностей»⁸. То есть любая поведенческая стратегия не может служить единственной определяющей для индивида и включает большое количество сторонних связей, контекста, нюансов. Учитывая это положение исследователя, мы можем лучше

⁷ Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1998. С. 271.

⁸ Там же.

понять, в чем состоит комизм водевильного образа Олеговича – он не осуществляет выбор, не может поступить неоднозначно или спорно, напротив, он полностью вмещается в стереотип «славянофил» и ни разу за пьесу из этого образа не выходит.

Образ славянофила Олеговича нуждается в большем числе комментариев, фактических и исторических уточнений, нежели характер его оппонента – Ухарева. Западник дан нам почти функционально, он существует лишь как противоположность славянофила, что тоже отчасти может быть намеренной авторской стратегией. Тем не менее, на основании этого нельзя предположить, что симпатии автора на стороне Ухарева. Образ Олеговича мы можем условно подразделить на несколько планов. Этими планами мы именуем то, как, когда и при каких обстоятельствах Олегович реализует себя именно как носитель славянофильской поведенческой установки. Конечно, подразделение на эти категории подразумевает некоторую долю долей условности: все планы пересекаются между собой, могут включать один другой или же зависеть друг от друга.

Планы, включенные в образ героя-славянофила можно представить следующим образом: внешняя характеристика Олеговича (или сценический костюм), отношение к его возлюбленной Ольге, взгляды и убеждения.

Любопытно, что именно К.С. Аксакова Гоголь считал прототипом героя-славянофила в «Сотрудниках»⁹. А издатель «Современника» И.И. Панаев некоторыми исследователями рассматривался в качестве

⁹ Белкина М.И. Водевиль Сологуба // Водевиль. М., 1937. С. 11.

Ухарева¹⁰. Сам граф Соллогуб писал в своих воспоминаниях, что Аксаков и Панаев были оскорблены: «С первым мы рассорились. Второй хотел вызвать меня на дуэль, но Хомяков его успокоил тем, что шутка – свойство народное и что русский человек на шутку сердиться не должен»¹¹.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Соллогуб В.А.* Воспоминания графа Владимира Александровича Соллогуба. СПб., 1887. С. 193.

1.1. Внешняя характеристика

В первую очередь нужно сказать, что внешность героев водевиля описывается таким образом, что репрезентирует их читателю в исключительно анекдотической форме. Во многом это дань водевильной традиции описания персонажей, но, возможно, определенную роль тут играет и установка самого автора водевиля. Остановимся на некоторых моментах, которые нуждаются в комментарии.

Для того, чтобы понять, как работает комически-пародийное конструирование образа славянофила, необходимо сослаться на работу В.Я. Проппа «Проблемы комизма и смеха». В ней автор говорит о том, что вся сущность пародии в стремлении вскрыть то, что «за внешними формами проявления духовного начала ничего нет, что за ними -- пустота»¹². То есть что за внешним отсутствует реальное содержание. Именно так и выстроен образ героя-славянофила (особенно описание его сценического костюма): Соллогуб дает нам ряд преувеличенных формальных особенностей, показывая, что за этими особенностями отсутствует реальное наполнение. При этом нужно отметить, что описанное в пьесе может больше подходить под определение «смешного», нежели эстетическую категорию «комического».

Первое появление героя-славянофила на сцене: «Олегович в красной рубашке, в старинном полукафтани и мурмолке»¹³.

¹² Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М., 1999. С. 44.

¹³ Соллогуб В.А. Водевиль. М., 1937. С. 113.

Славянофилы стремились носить национальную русскую одежду, чтобы быть максимально приближенными к своему народу. В своих «Воспоминаниях о Константине Сергеевиче Аксакове» Н.М. Бицин пишет: «Если он <Аксаков> одевался по-русски, предпочитая кафтан и мурмолку фракку и цилиндру; если рано вставал к заутрени, а не спал, как Онегин, конечно, он делал это от души и вполне сердечно; но в этом еще и заключалось требование его ума. Все такое освещалось у него еще и сознанием: ничем не розниться от своего народа»¹⁴.

Интересно в этой связи то, как о другом участнике славянофильского кружка высказывался А.И. Герцен: «Во всей России, кроме славянофилов, никто не носит мурмолок. А.К. Аксаков оделся так национально, что народ на улицах принимал его за персианина, как рассказывал, шутя, Чаадаев»¹⁵. Это довольно известное свидетельство Герцена дает нам основания предположить, что насмешки над русским костюмом славянофилов были своего рода общим местом в полемике между западниками и славянофилами. «Во всей России, кроме славянофилов, никто не носит мурмолок» - Герцен указывает на абсолютно неестественный и фальшивый характер попыток славянофилов приблизиться к народу. Подобно тому как западники упрекали славянофилов в слепой демонстрации своих взглядов посредством одежды, так и наряд Олеговича можно воспринять как не более чем формальность.

¹⁴ Бицин Н.М. Воспоминание о Константине Сергеевиче Аксакове // Славянофилы в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. М., 2016. С. 249.

¹⁵ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30-ти т. Т. 9. М., 1954. С. 148.

Также Герцен, пересказывая слова Чаадаева, упоминает, что простой народ мог спутать Аксакова с персианином. Возможность смешения традиционного русского и восточного костюмов упоминалась в литературе и до этого. Например, Астольф де Кюстин в своих заметках о России 1839 года: «Император говорит что-то нескольким бородачам в русском костюме, то есть одетым в персидское платье, и около половины одиннадцатого, с наступлением глубокой ночи, начинается иллюминация»¹⁶. Элемент «путаницы» есть и у Соллогуба, в водевиле уже иронически осмысляется внешний вид героя-славянофила. Так Прохор, когда впервые видит Олеговича, замечает: «*(В сторону.)* Вишь, как одет чудно! Должно быть, из немцев»¹⁷. То есть комизм включает в себя еще один уровень: имитация народного костюма Олеговича никак не работает, а только провоцирует путаницу и насмешки.

Заметки К.С. Аксакова дают основания предположить, что позиция, занимаемая им самим в отношении славянского одеяния, гораздо глубже, чем просто слепая демонстрация приобщенности к крестьянскому сословию: «Славянофилов упрекают в том, что они хотели бы воротиться к русской одежде. Здесь, как и в других случаях, мнение их неясно понято. Славянофилы вовсе не желают, чтоб русская одежда была введена: в таком случае они предпочли бы лучше иностранное платье, чем русское, насильно вводимое. Славянофилы желают лишь одного: чтоб всякий мог одеваться, как кто хочет и чтоб

¹⁶ Кюстин А. Россия в 1839 году: В 2 т. Пер. с фр. под ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной и А.Осповата. Т. 1. М., 1996. С. 200.

¹⁷ Соллогуб В.А. Водевиль. С. 115.

русское платье было дозволено в России, как дозволено иностранное. Таким образом была бы снята с русской одежды полуторастолетняя опала. Тогда для всякого, кто пожелает носить русскую одежду, можно будет надеть ее»¹⁸.

Намек на это есть и у А. Хомякова в статье «О возможности русской художественной школы»: «..мы должны, сознавая собственное свое бессилие и собственные нужды, слиться с жизнью Русской земли, не пренебрегая даже мелочами обычая и, так сказать, обрядным единством как средством к достижению единства истинного и, еще более, как видимым его образом». И дальше, как бы вторя позиции Аксакова: «Нападение на русское платье есть нападение на свободу вкуса и чувства»¹⁹.

В идеологической концепции славянофилов костюму было уделено особое место не потому, что это помогало приблизиться к народу на формальном уровне. Славянофилам было важно не внешнее совпадение, а само право носить русский костюм наряду с иностранным и не чувствовать за это стыда. Образ же, сложившийся у современников, мог носить довольно искаженный и упрощенный характер. Понять истинную природу формальных проявлений идеологии можно было бы, только взглянув на кружок славянофилов изнутри, отдавая себе отчет в том, что у этих проявлений есть свои обоснования и определенные причины. Но так как на закрытый кружок

¹⁸ Аксаков К.С. Передовые статьи газеты «Молва» // Аксаков К.С. Избранные труды. М., 2010. С. 623.

¹⁹ Хомяков А.С. О возможности русской художественной школы //Русская эстетика и критика 40-50-х годов XIX века. М., 1982. С. 167.

славянофилов взгляд современников был только с позиции извне, это не представлялось возможным.

Соллогуб доводит до предела тенденцию, свойственную славянофилам: носить в повседневной жизни подобие древнерусской одежды. Соответственно, автор изображает героя-славянофила одетым не просто в мурмолку (то, над чем, например, насмехался Герцен), а еще и в красную рубашку и старинный полукафтан, и обнаруживается то, что современникам в поведении славянофилов казалось смешным. В то же время, как уже было указано, в пьесе подобный сценический костюм необходим для того, чтобы идеологическое столкновение западника и славянофила читалось в поверхностной анекдотической форме, а избранный Олеговичем костюм воспринимался как не более чем пустая формальность.

1.2. Убеждения и взгляды

Несмотря на то, что образы Олеговича и Ухарева даны в сатирическом, гротесковом преломлении, мы все же пытались искать конкретные соответствия их фразам, поступкам, поведению в исторических свидетельствах.

Например, в одной из сцен Ольга Павловна говорит: «Он тот самый, который написал эту известную статью о земле Тьмутараканской. Вся Москва об ней говорила..»²⁰. Несмотря на то, что это явная ирония, нельзя проигнорировать, что имеют место почти фактические соответствия: работы о малоизвестных местностях, написанные кем-то из участников славянофильского кружка и опубликованные до 1851 года.

Интерес к древнерусской истории был характерен практически для всех представителей славянофильского движения. Исследователь Н.И. Цимбаев даже выделяет группу «особого рода славянофилов»²¹: Ф.Л. Морошкина (1804 – 1857), Н. В. Савельева-Ростиславича (1815 – 1854), чья деятельность была сосредоточена вокруг изучения славянских древностей практически целиком. Савельев-Ростиславич посвящал свои исследования славянского мира чрезвычайно узким темам, например, работа, опубликованная в 1848 году, «Древний и нынешний Переяславль-Залесский в историческом и статистическом отношениях». Также в числе трудов Савельева-Ростиславича можно

²⁰ Соллогуб В.А. Водевили. С. 108.

²¹ Цимбаев Н.И. Славянофильство. М., 1986. С. 27.

назвать «Славянский сборник», «Дмитрий Иоаннович Донской, первоначальник русской славы», Морошкин же исследовал законодательство на Руси, но помимо этого и общие вопросы, посвященные культуре и истории: «О значении имени Руссов и Славян», «Историко-критические исследования о Руссах и Славянах». Но больше всего трудов истории Руси посвятил М.П. Погодин, сторонник норманнской теории и официальной народности, профессор Московского университета. Его магистерская диссертация носила название «О происхождении Руси», впоследствии были опубликованы и другие работы: «Древние русские княжества с 1054 по 1240 год», «Древняя история до монгольского ига» и так далее.

Точно так же и Олегович занимается изучением редкого и малоизвестного факта из истории древней Руси -- Тьмутараканской земель. Тьмутараканское княжество упоминалось в летописях и «Слове о полку Игореве», но долгое время его существование считалось мифом; лишь в конце XVIII века после обнаружения Тьмутараканского камня стало ясно, что земля существовала в реальности. Тьмутараканская земля охватывала территории на Таманском полуострове и Восточном Крыму. Комизм строится на том, что Олегович изучает землю не только малоизвестную, существование Тьмутаракани долгое время вообще не могли доказать и считали вымышленным эпосом.

Следующий момент, который требует комментария в данном контексте, - первое появление на сцене Олеговича. Нам дано указание, что при нем "небольшой чемоданчик и связка книг"²² — Неподдельный

²² Соллогуб В.А. Водевили. С. 108.

интерес славянофилов, их осведомленность практически во всех отраслях научного знания лейтмотивом проходит через воспоминания современников. Причем интерес этот обычно изображался как проистекающий из их собственного понимания нравственности и долга. Например, Н. Бицин писал об Аксакове: «Раз вечером свел меня Константин Сергеевич в свой кабинет для прочтения одной статьи. Дом был на большой людной улице, и окна кабинета в нижнем этаже выходили прямо на тротуар. Письменный стол, освещенный лампой, казалось мне, должен был ярко выдаваться на улицу. «Не опустить ли шторы?» -- невольно спросил я. «Зачем?» -- с живостью возразил Константин Сергеевич. – Вот, если бы мы садились с вами за бутылки и играть в карты – тогда другое дело. Но тут рабочий письменный стол, тут сидят за книгами и тетрадями. Не вижу никакой надобности завешиваться от людей. Пройдет мимо какой-нибудь студент или другой кто, почем знать? Может быть, еще это наведет на добро кого-нибудь из проходящих»²³.

Но помимо этого книги нужны также чтобы указать на карикатурность образа славянофила, на то, что это люди зачитавшиеся книгами, но не видящие за ними реальной жизни. В этой связи можно сослаться на работу В.Я. Проппа, описывая «комизм деятельности», он говорит: «Рассмотрев человека со стороны его внешнего облика, мы должны рассмотреть его со стороны его деятельности. Сатирически можно изобразить некоторые профессии. В таких случаях деятельность изображается только со стороны внешних проявлений ее, чем обессмысливается ее содержание». Описывая то, как Олегович

²³ Бицин Н.М. Воспоминание о К.С. Аксакове. С. 255.

демонстрирует причастность к своей деятельности («небольшой чемоданчик и связка книг») Соллогуб снова снижает своего героя.

Еще один момент существенный в контексте связи с наукой – отношение славянофилов к норманнской теории: «Олегович (один): Жалкое изобретение, незавидный прогресс...эти паровые машины. Бурный поток безумного времени! Летишь себе, летишь, летишь, без оглядки, не опомнясь. А тут по дороге живописные селения, мирные общины. Там раздается звонкая, задушевная, родная песнь. Тут трудолюбивый селянин, потомок славных варягов (подумав)...»²⁴.

Славянофилы были убеждены, что русский народ по природе своей – народ негосударственный, не желающий государственности и политических прав, чуждый государственному началу. Доказательства этому нашлись как раз в истоках истории – в призвании варягов на Русь. Так и Олегович говорит о селянине как о «потомке славных варягов», указывая свою причастность к норманнской теории, согласно которой самостоятельной государственностью Русь в своем зарождении не обладала, и вынуждена была просить помощи в построении государства у норманнов. В противовес «норманистам» выступали «антинорманисты», в середине XIX века эти славянофилы и западники идентифицировали себя в том числе как принадлежащие к одному или другому лагерю. Комизм здесь также в том, что варяги не могли никаким образом быть предками русских крестьян.

Среди славянофилов и близких к их кругу мыслителей многие были последователями норманнской теории. Например, уже

²⁴. Соллогуб В.А. Водевили. С. 116.

упомянутый, М.П. Погодин, написал в 1824 году на эту тему диссертацию «О происхождении Руси: историко-критическое рассуждение», позднее, в 1859 году, работу «Норманнский период русской истории».

Соллогуб в водевиле иронизирует и над убеждениями своего героя. Например: «Ольга Павловна: Как же, и страстно любит все русское, все старинное... Ах, если бы ты слышала, Адель, как он говорит, с каким жаром, с каким увлечением! И всё, знаешь, об Западе, да об Востоке»²⁵. — Запад и Восток — основные категории, которыми оперировали славянофилы; сущность этой оппозиции кроется скорее в природе христианства, нежели в географическом подразделении. Одним из первых обозначил и аргументировал существование этой оппозиции Киреевский в своей программной статье "В ответ Хомякову" (1839 год). Согласно Киреевскому, очевидно общее между Россией и Западом - это христианство; разница в его природе. Торжество формального разума над верой, жесткое рационалистическое миропонимание — результат христианства западного, в России же вера народная, чистая, нетронутая. Киреевский высказывался о природе христианства на Западе и на Востоке: «Но потому ли, что христиане на Западе поддались беззаконно влиянию классического мира, или случайно ересь сошлась с язычеством, но только римская церковь в уклонении своем от восточной отличается именно тем же торжеством рационализма над преданием внешней

²⁵ Там же. С. 106.

разумности, над внутренним духовным разумом»²⁶. Оппозиция сначала существующая в рамках отношения к церковной традиции Запада и Востока, затем стала основополагающей и универсальной для обоих идеологических течений.

Следующий существенный и требующий комментария момент: Аделаида Павловна едет на свидание с Ухаревым в Петербург (за триста верст), именно в Летний сад. В пьесе Олегович отождествляется с Москвой, а Ухарев связан с Петербургом. Москва считалась оплотом славянофильства, а Петербург — западничества. В спорах 1844-45-х участники славянофильского движения предпочитали называть себя «московским направлением», нежели славянофилами²⁷. Любопытно, что и сам Олегович ни разу не называет себя славянофилом. В 1844 году Ю.Ф. Самарин писал: «Я разыгрываю в Петербурге в некотором смысле роль представителя московского направления»²⁸. Исследователь Цимбаев предполагает, что название пошло от Аксакова, ревностного патриота Москвы²⁹. Западников же, напротив, могли называть «петербургской партией» по причине того, что их основными печатными органами были «Отечественные записки» и «Современник», которые находились именно в Петербурге³⁰.

²⁶ Киреевский И.В. В ответ Хомякову // Киреевский И. В. Киреевский П.В. Полное собр. соч.: В 4 т. Т. 1. Калуга, 2006. С. 36.

²⁷ Цимбаев Н.И. Славянофильство. М., 1986. С. 28.

²⁸ Самарин Ю.Ф. Сочинения. М., 1877. С. 322.

²⁹ Цимбаев Н.И. Славянофильство. С. 29.

³⁰ Там же.

Еще один интересный в этом контексте момент: в одной из сцен Олегович говорит: «Ох, уж этот мне Петербург! Много мне было горя, когда вы переехали в Петербург.

Ольга: Право ?

Олегович: Я боялся...я предчувствовал, что эта тревожная жизнь отуманит ваше юное воображение, отдалит вас от чистых внушений природы и родины»³¹.

Особым приемом для создания комизма служит и своеобразный язык Олеговича. Пропп писал: «Язык комичен не сам по себе, а потому, что он отражает некоторые черты духовной жизни говорящего, несовершенство его мышления»³². Нарочито возвышенный язык Олеговича указывает на его совершенную оторванность от жизни, подобная избитость его речей и нарочитая возвышенность в середине XIX века уже кажется смешной.

Помимо особенного языка, в этой сцене снова проявляется оппозиция «Москва -- Петербург». В заметках и переписке славянофилов часто встречаются довольно враждебные оценки Петербурга; Петербург и Москва как важнейшие центры общественной и культурной жизни в литературной полемике почти всегда выступали в оппозиции. В Петербурге усматривали оплот галломании, подражательства, духовного обнищания. Например, К.С.Аксаков в своей статье «Литература до Петра» писал: «Итак, после Петра все столпились около железной решетки окна в Европу <Санкт-

³¹ *Соллогуб В.А* Водевили. С. 109.

³² *Пропп В.Я.* Проблемы комизма и смеха. С. 134.

Петербурга>, слушая, что долетает оттуда, из Запада»³³. Так и Олегович боится за чистую душу Ольги, боится, что она может отдалиться от родины и родной земли.

Следующий важный момент - отношение к искусству.

Грознов: Итак, господа, мы приступим к делу. Мы сочиним для именин жены моей пьеску. Вам, конечно, известны пословицы Альфреда Мюссе? Ухарев: Как не знать. "Каприз", например, шедевр. Олегович: Помилуйте, французский фарс и больше ничего. Так, легонькое себе дрянцо. Ухарев: Да вы читали? Олегович: Нет, не читал, да и читать не буду, да и вам не советую. Эх, право, пора нам не перенимать более у этой жалкой, испорченной, отцветшей французской литературы. Нет в ней ни здоровой мысли, ни направления! Да-с, пора нам приняться за свои народные источники. Вот где мы должны почерпать свои произведения!³⁴.

Альфреда Мюссе как драматурга открыл именно российский театр, а «Каприз» был впервые поставлен в Петербурге в Александринском³⁵. При этом исследователи западноевропейской драматургии XIX века указывают, что «Каприз» - одна из самых неудачных и художественно невыдающихся пьес автора: «Все это неизмеримо мельче прежних пьес Мюссе. Эта драматургия не тревожит ум, не задает острых вопросов».³⁶ Так еще острее

³³ Аксаков К.С. Литература до Петра // Аксаков К.С. Избранные труды. М., 2010. С. 402.

³⁴ Соллогуб В.А. Водевилы. С. 122.

³⁵ Андреев Л.Г. Альфред де Мюссе и эволюция романтизма // История французской литературы. М., 1987. С. 202.

³⁶ История западноевропейского театра: в 8 т. Т.3. М., 1955. С. 225.

ощущается ирония в сторону обоих героев: и западника, и славянофила. Один называет посредственную пьесу шедевром только потому, что она пришла из Франции, другой по той же причине даже не озаботился тем, чтобы прочитать ее.

Восприятие искусства для славянофилов было чем-то совершенно сакральным, корни художественного произведения необходимо было искать в народе, в любви к этому народу, в русской душе; истинное искусство не признавало подражательности, копирования. Любопытно в этой связи, что в афишной ремарке славянофил-Олегович значится как «московский литератор», а западник-Ухарев как «петербургский журналист» - тоже своего рода намек на различие в восприятии творческой деятельности: с одной стороны литература ради литературы, а с другой – ради ремесла.

В данном случае нежелание Олеговича даже ознакомиться с французской пьесой – очередная ирония в рамках водевильной поэтики. Славянофил изображается как абсолютный консерватор, который не имеет в себе ничего кроме слепого желания сохранить традицию и стать ближе к народу.

Также подобное упоминание Мюссе может также функционировать в пьесе как намек на производство в ряды гениев неожиданных авторов.

Любопытно, что возрождение "драматической пословицы" (а это авторское жанровое определение водевиля Соллогуба) в истории литературы связывают как раз с именем Альфреда Мюссе³⁷.

³⁷ Русская драма эпохи А.Н. Островского. С.15.

§2 Заключение

Образ славянофила-Олеговича содержит все качества и отличительные черты, которыми впоследствии стали наделяться славянофилы. Он консерватор, последователь норманнской теории, противник всего европейского, совершенно оторванный от реальной жизни. Западник же изображен не так ярко: он легкомысленный любитель французской драматургии и литературный делец. В пьесе мы имеем два образа, изображенные человеком (автором водевиля Соллогубом), который не вникал в идеологические столкновения лагерей западников и славянофилов на глубоком уровне, наверняка не читал их программных сочинений.

Таким образом он сконструировал двух героев на основании своих собственных представлений, а будучи заключенными еще и в рамки водевильной поэтики, Олегович и Ухарев выглядят еще более поверхностно и комично. В пьесе оба образа не имеют никаких индивидуальных черт как это и принято в водевилях, где не допускается серьезная проблематика, глубокая разработка персонажей, психологизм.

Можно предположить, что постепенно слово «славянофил» (Олегович явлен в пьесе более ярко) начало функционировать как определенный культурный образ, и возникнуть такому образу, вполне возможно, могли помочь подобные комические изображения на сцене и художественные обобщения. То есть пьеса могла бы с некоторой долей условности послужить доказательством того, как литературный процесс влиял на формирование определенных культурных клише, обобщенных представлений.

Глава 2. Водевиль П.А. Каратыгина "Натуральная школа" в контексте журнальной полемики середины XIX века

§1. Прототипы в водевиле «Натуральная школа»

Анализируя водевиль П.А. Каратыгина «Натуральная школа» (1847 год), прежде всего, необходимо разобраться, какое место это произведение занимало в контексте литературной жизни 40-х годов. Без труда в сюжете пьесы угадывается, во-первых, насмешка над западническими настроениями деятелей натуральной школы и круга Белинского, а во-вторых, влияние Булгарина и идеологии «Северной пчелы».

В истории русской литературы феномен «натуральной школы» принято считать одним из важнейших переходных этапов; в середине XIX века термина «реализм» еще не существовало, но понятие «натуральности», естественности в изображении жизни закрепилось именно посредством практики литераторов натуральной школы.

Понятие «натуральная школа» впервые возникает в рецензии Булгарина на «Петербургский сборник» Некрасова и Белинского. Тогда, на страницах «Северной пчелы» 26 января 1846 года появились строки: «Читатели наши знают, что Некрасов принадлежит к новой, то есть натуральной, литературной школе, утверждающей, что должно изображать природу без покрова»³⁸. Термин «натуральная школа» употреблен здесь явно в негативном значении, однако, вопреки отрицательной оценке, Белинский назвал «натуральной школой» целое зарождающееся направление в литературе. Для него «натуральное» осмыслялось так: чуждое всему фальшивому, ненастоящему,

³⁸ <Булгарин Ф.В.> Русская литература // Северная пчела. 1846. №22. 26 янв.

изображающее жизнь такой, какая она есть. Термин «натуральная школа» полностью соответствовал тому, что Белинский уже долгое время разрабатывал в своих статьях.

Полемика Белинского и Булгарина имеет довольно долгую историю. Претензии литераторов были связаны как с избранным каждым из них художественным методом, так и с отношением к литературе в целом. В лице Булгарина критику официальной народности не устраивала чрезмерная «реалистичность» натуральной школы, изображение действительности без прикрас. «Северная пчела» дважды разбирала «Физиологию Петербурга» и дважды приходила к выводу, что всё напечатанное в книге «бездарно, пошло, глупо, плоско, грязно»³⁹: об этом в статье «Северная пчела» - защитница правды и чистоты русского языка» пишет сам Белинский. Для Белинского же такой метод был принципиальным моментом: критик был убежден, что так русская литература обретает свой собственный путь; натуральная школа, по его мнению, -- закономерный результат всего предшествующего развития русской литературы⁴⁰.

Водевиль Каратыгина занимал определенное место в контексте полемики между Булгариным и кругом Белинского. Обычно его рассматривают как выражение взглядов «Северной пчелы» и самого Булгарина. Проанализировав, какую именно роль он сыграл, мы смогли бы предположить, каково было отношение к полемике самого автора водевиля, Каратыгина, какие реальные прототипы кроются за теми или иными героями.

³⁹ Белинский В.Г. Собр. соч.: В 13 т. Т 4. М., 1954. С. 111.

⁴⁰ В.А. Недвецкий, Г.В. Зыкова. Русская литературная критика XVIII - XIX веков. М., 1994. С. 78.

Ряд оснований дает нам предположить, что реальным прототипом героя Вихляева был Белинский. Известно, что Белинский разделял воззрения западников, сам был наиболее заметным их представителем, вел полемику со славянофилами. В издании журналов "Отечественные записки" и "Современник" также принимали участие сотрудники, разделявшие идеологию западничества.

При первой беседе с госпожой Гутенахт Вихляев говорит: «Я называюсь – Виссарион Кесаревич Недостойн»⁴¹, то есть его имя прочитывается как имя В.Г. Белинского, редкое имя «Виссарион» имеет вполне ясную связь с личностью Белинского.

Гутенахт спрашивает Вихляева, где тот изволил обучаться, в университете или в гимназии, и он отвечает: «Нет, сударыня, -- я писатель из натуральной школы». В возрасте примерно четырнадцати лет будущего критика Белинского зачислили в губернскую гимназию, где он проучился только три года, вместо четырех, по причине того, что процесс обучения в гимназии не устраивал его полностью. Тогда же он задумался о поступлении в Московский университет. Поступив на словесный факультет, под влиянием распространявшихся тогда философских идей и литературного романтизма, Белинский создал трагедию «Дмитрий Калинин». Именно этот факт привело автора к исключению из университета в 1832 году «по слабости здоровья и ограниченности способностей»⁴². То есть ни гимназии, ни

⁴¹ Каратыгин П.А. Натуральная школа. СПб., 1847. С. 37.

⁴² Нечаева В.С. В.Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности. М., 1949. С. 156.

университета Белинский, как и Вихляев, не закончил. Эту тему неоднократно педалировал Булгарин, но об этом речь пойдет позже.

Следующий пункт, по которому можно сблизить героя водевиля с Белинским – особый язык Вихляева. Например, придя в пансион, он говорит своим друзьям: «Однако ж, братцы, чтоб нас не застали врасплох, распорядимся же по ролям. Благодаря некоторым журналам, я набрался философско-немецкого духу, и заброшаю мадам такими словами, что она их до завтра не раскусит»⁴³, или немного позже, когда Гутенахт спрашивает, что же такое натуральная школа: «Натуральная школа – значит школа натуральная. Ее принципы и доктрины должны быть абсолютно социальные; ее реакция и филистерские воззрения заключаются в нормальной субстанции, а субъективность человечности замкнута в естественной непосредственности! Оно довольно понятно, когда только знаешь в чем дело»⁴⁴. С одной стороны темный, затрудненный для понимания язык немецкой классической философии (например, «субстанция», «субъективность», которые в данном контексте не имеют никакого смысла), а с другой – специальная лексика, свойственная одному Белинскому, введенные им в оборот (например, «ее принципы и доктрины должны быть абсолютно социальные»). Любопытно, что отвечает на это Гутенахт: «Ах! Какой дар слова! Я ничего не поняла, а должно быть он большой умница!»⁴⁵.

⁴³ Каратыгин П.А. Натуральная школа. С. 31.

⁴⁴ Там же. С. 40.

⁴⁵ Там же.

Причем Каратыгин иронизирует не только над избранным Вихляевым языком, а еще и над тем, что герой сам не понимает ровным счетом ничего из того, что говорит, в процессе того как перемежает свою речь философскими понятиям: «Право? Ну коли дело пошло на правду, так ведь и я ни слова не понимаю; да у нас в Петербурге в лучших журналах на это мода». Вихляев не сильно озабочен тем, чтобы его понимали, он хочет лишь производить впечатление на собеседников.

Однако нельзя исключать возможность того, что западник-Белинский не является реальным основанием образа Вихляева. Возможно, вся компания деятелей натуральной школы из водевиля Каратыгина соответствует реальному окружению Белинского, как-либо задеиствованному в «Петербургском сборнике» и разделявшему западнические настроения Белинского. Тогда качества и свойства, над которыми насмехается Каратыгин распространились бы на всю группу реальной натуральной школы, а не на буквальные прототипы. Возможно, это можно сравнить с чем-то вроде «собирательного образа».

Например, широко известно, что Белинский почти никогда не подписывал свои критические статьи, и Каратыгин отдает эту «особенность» Владимиру Вихляеву, а не Ивану: «Модест Модестович Нагородич; я очень много пишу в журналах, только ничего не подписываю; это такой вздор, что не стоит»⁴⁶.

⁴⁶ Там же. С. 38.

Или, например, когда Вихляевы рассказывают о написанных ими произведениях: «Он написал капитальную вещь: Петербургские подвалы.. А я создал поэму в прозе под гуманным названием Люди; да ведь какие люди, каких нигде не найдешь». «Петербургские подвалы», вероятно, отсылка к «Петербургским углам» Некрасова, но больше никаких существенных оснований расценивать Модеста Модестовича Нагородича как прототип Некрасова в тексте нет. Для поэмы в прозе «Люди» также сложно отыскать какое-либо совпадение с творчеством Белинского; возможно, это намек на «Бедных людей» Достоевского. Ирония Каратыгина может носить более общий, а не конкретный характер, хотя, разумеется, с некоторой долей фактических совпадений. Другим путем это едва ли было бы возможно.

Также нужно отметить и комическое знакомство Вихляева и Надин. Девушка жалуется новому знакомому, что в пансионе их «мучают, тиранят, притесняют», и Вихляев недолго думая решает помочь обиженным и «проучить» мадам⁴⁷. В этом можно углядеть иронию над гуманным пафосом в поэтике натуральной школы: заступничество за угнетенных, которые сами не имеют своего голоса.

П.А. Каратыгин не в первый раз обращается к литературной полемике в своем творчестве. Незадолго до «Натуральной школы» он пишет водевиль «Авось, или Сцены в книжной лавке» (1841 год). Прототипы героев водевиля были рассмотрены И.С. Чистовой и А.Ю.Балакиным. Однако их мнения расходятся: Чистова предлагает следующую трактовку: Белинский – основа образа Крапивина, Греч же – Зажигина; Балакин же полагает, что в Крапивине угадывается

⁴⁷ Там же. С. 30.

Сенковский. В то время как, например, в *Зажигине* можно увидеть как Булгарина, так и Греча⁴⁸. Отсюда А.Ю. Балакин делает вывод, что целью Каратыгина могло быть не типичное фельетонное высмеивание героев литературной полемики на сцене. Он, напротив, сглаживал характерные черты, чтобы вывести на сцене не конкретных личностей, а скорее показать приемы журналистской борьбы⁴⁹. Поэтому в одном и том же персонаже водевиля могут угадываться черты не одного, а двух литераторов. Можно предположить, что этой установки придерживался Каратыгин и в «Натуральной школе», когда изображал персонажей без излишней конкретики: высмеивая скорее не самих литераторов, а то, как они существуют в литературном пространстве, какие методы и приемы избирают, чтобы себя в этом пространстве репрезентировать. В водевиле не просто высмеивались оппоненты из личной мести или неприязни, а преследовались более общие задачи. Прототипы в итоге были так художественно освоены, что получались не портреты реально существующих людей, а своего рода типические образы.

Полемика между западниками и славянофилами в водевиле вторична. Даже четкого славянофильского «лагеря» в пьесе нет: явлен только ретроград Чувашин, который кроме как пространственных замечаний, направленных в сторону «лукавого Запада», не делает ровным счетом ничего, в большей степени оба образа нужны для того, чтобы на их фоне явить «идеологию» натуральной школы. То есть они

⁴⁸ Балакин А.Ю. «Литературный» водевиль 1830-1840-х годов: водевиль как средство журнальной и литературной полемики // Балакин А.Ю. Близко к тексту: Разыскания и предположения [статьи 1997 – 2017 гг.] СПб., 2017. С. 274.

⁴⁹ Там же. С 275.

изображаются, чтобы можно было в конце концов прийти к позиции Каратыгина по отношению к идеологической борьбе.

§2 Сценическая судьба водевиля «Натуральная школа»

Премьера водевиля «Натуральная школа» состоялась 18 ноября 1847 года на сцене Александринского театра – это был бенефис П.А.Каратыгина, который раньше был более известен зрителям как театральный актер. Пьеса имеет французский образец – водевиль «On demande des professeurs» Жозефа Локруа, премьера которого состоялась двумя годами раньше – 8 октября 1845 года.

Пьеса «Натуральная школа» имела большой успех у зрителей. В первый же сезон спектакль выдержал шестнадцать представлений и затем в течение пяти лет не сходил со сцены. Особенно хвалебно отзывалась о водевиле газета «Северная пчела», главным редактором которой был, как известно, Булгарин. Например, в ноябрьском номере 260 1847 года значится: «Во вторник, 18 ноября, бесспорно лучший и почти единственный наш водевилист и отличный артист, П.А.

Каратыгин, в свой бенефис угостит вас не волшебными, а настоящими литературными пилюлями. Наконец, pour la bonne bouche, на закуску, представлена будет шутка-водевиль в одном действии, с танцами «Натуральная школа». Уверяем вам, что нахохочетесь вволю!

Презабавная пьеса, с премилыми и острыми куплетами, которые как стихи Грибоедова в «Горе от ума», войдут в пословицы. Мы знаем, кто сочинил эту пьесу, но, до поры до времени, не скажем вам. Пьеса так хороша, что мы с радостью подписали бы наше имя и вперед поздравляем автора с торжеством. Еще никогда не угощал нас

П.А.Каратыгин нашей публики так богато, как в этот раз»⁵⁰. Даже не имея представления о полемике, которая существовала между Ф.Б.Булгариным и В.Г. Белинским (очевидно одним из прототипов в пьесе) без труда можно догадаться, что рецензия в «Северной пчеле» преследует интерес не только журналистский, но и сугубо личный. Неслучайны слова «пьеса так хороша, что мы с радостью подписали бы наше имя».

Тогда Каратыгин вступал на сцену с четырьмя пьесами («Каменный гость», «Отелло на песках или Петербургский араб» и «Дон-Кихот Ламанский, Рыцарь Печального образа и Санчо Пансо» и «Натуральная школа»), и в общем-то каждая из них удостоилась положительного отзыва, но подобный восторг вызвал именно водевиль «Натуральная школа».

В номере 269 1847 года от 27 ноября сделан довольно подробный обзор всех пьес, с которыми Каратыгин выступил на сцене Александринского театра: «Четвертою пьесою бенефиса была шутка-водевиль: Натуральная школа. Тут весь сюжет состоит в том, что двое молодых повес влюбляются в двух воспитанниц одного пансиона, содержимого в каком-то уездном городе, и являются к содержательнице пансиона под именами учителей, прибывших из Петербурга. Та принимает их и заставляет читать лекции. Шалуны читают всякий вздор, употребляя на это фразы: гуманность, концепты, принципы, субъективность и другие, которыми нынче щедро награждают нас иные журналы и писаки. Наконец является дядя этих мнимых учителей, всё объясняется, и пьеса кончается полькою

⁵⁰ <Булгарин Ф.В.> Фельетон. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1847. №260. 15 нояб.

транблант»⁵¹. Неудивительно, что пьеса более чем устроила редакцию «Северной пчелы». Ведь некоторые моменты, над которыми иронизирует Каратыгин, когда-либо уже затрагивал Булгарин. Например, не раз Булгарин указывает на «особенный язык», на котором говорят «адепты» немецкой классической философии: «В этом темно-философском языке очевидно возбуждение народа к движению»⁵². Или ниже: «Дитя, избалованное от самого рождения, приученное к незаслуженному почтению, пользуясь и употребляя во зло богатство, которое окружает его льстивыми рабами, мало по малу развращается. Оно принимает за высшее предназначение заблуждение своих необузданных прихотей: оно принимает в буквальном смысле слова раболепствующих существ, которые с притворством покоряются мнимому превосходству избранного ума»⁵³. Эти слова звучат как в некотором смысле «идеологическое» обоснование изображенной в пьесе ситуации: все раболепно заслушиваются невнятными философскими опусами «западника»-Вихляева, принимая его за исключительную личность, в то время как никто в действительности не понимает ни слова. Даже первое знакомство с Верочкой происходит так, что Вихляев производит впечатление своими речами: «Потом начал говорить так красноречиво, все с висока, все с висока»⁵⁴, а что именно говорил Вихляев, девушка уже и не помнит.

⁵¹ <Булгарин Ф.В.> Фельетон. Театральная хроника // Северная пчела. 1847. №269. 27 нояб.

⁵² Лемке М.К. Николаевские жандармы и русская литература 1825 – 1856 гг. СПб., 1909. С. 164.

⁵³ Там же. С. 188.

⁵⁴ Каратыгин П.А. Натуральная школа. С 25.

Булгарин также в свойственной себе манере упоминает об исключении Белинского из университета: «... семинаристы, дети бедных чиновников и проч. Почитают «Отечественные записки» своим Евангелием, а Краевского и первого его министры — Белинского выгнанного московского студента -- апостолами»⁵⁵.

В некоторой степени водевиль Каратыгина представляет собой облеченные в художественную форму многолетние нападки консервативной критики на деятельность Белинского и его круга. Удивительно, но почти всё, что когда-либо Булгарин ставил в упрек Белинскому и его либерально настроенному окружению, нашло свое место в пьесе. Неслучайно в ноябрьском выпуске «Северной пчелы» 1847 года в связи с водевилем Каратыгина Булгарин пишет: «Пьеса так хороша, что мы с радостью подписали бы наше имя»⁵⁶.

Однако сам Каратыгин в своем автобиографическом тексте "Записки" отказывается от своей причастности к идеологии консервативной критики: «В этот же промежуток времени были играны две мои безделки: оперетка "Отелло на Песках" и шутка-водевиль "Натуральная школа", за которые мне порядочно досталось от тогдашних критиков. Первую они сочли чуть не за кощунство — как будто пародии пишутся на ничтожные произведения; а вторую называли дерзким пасквилем на реальное направление нашей литературы, чего у меня и в голове не было. Я смеялся не над реальным направлением, а над теми отчаянными циниками, которые в своих грязных

⁵⁵ Лемке М.К. Николаевские жандармы и русская литература 1825 – 1856 гг. С. 175.

⁵⁶ <Булгарин Ф.В.> Фельетон. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1847. № 260. 15 нояб.

произведениях доходили тогда до отвратительного безобразия. Лермонтов был, конечно, не чопорный классик, но и тот сказал:

С кого они портреты пишут?

Где разговоры эти слышат?

А если и случалось им,

Так мы их слышать не хотим.

Впрочем, может быть, меня бы тогда и менее бранили, если бы покойный Булгарин не оказал мне медвежьей услуги: ему так полюбился мой куплет о натуральной школе, что он чуть-ли не в каждом своем фельетоне цитировал его, и кстати и некстати»⁵⁷. Каратыгин отрешивается от своей причастности к нападкам на натуральную школу. Но смущение Каратыгина понятно: Булгарин действительно обращался к пьесе «Натуральная школа» и хвалебно отзывался о ней чуть ли не до самого конца своей литературной деятельности (вряд ли автор пьесы мог ожидать такого). Такая ситуация для водевиля представляется очень нетипичной: критика этого жанра обычно существовала в виде быстрой реакции -- быстро писался отзыв (если водевиль отзыва удостаивался), а как только пьеса сходила со сцены, о ней забывала и критика и публика. Например, в номере 282 от 13 декабря 1847 года Булгарин не просто вновь затрагивает «Натуральную школу», но и рекламирует ее, напоминая читателю, что водевиль «продается за 40 копеек серебром во всех книжных лавках столицы»⁵⁸. Или, например, в 7-м номере от 10 января

⁵⁷ Каратыгин П.А. Записки // "Русская старина". Ежемесячное историческое издание. 1873 г. Том VII., 1873. С. 151.

⁵⁸ <Булгарин Ф.В.> Фельетон. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1847. № 282. 13 дек.

1848 года Булгарин снова нападает на круг Белинского и цитирует написанное Вихляевым стихотворение из водевиля Каратыгина⁵⁹.

Подобное внимание к «Натуральной школе», вероятно, привело к тому, что взгляды Каратыгина в его взглядах на литературную полемику того времени очевидно отождествляли с позицией Булгарина и охранительной критикой «Северной пчелы». Сам Каратыгин по причине репутации «Северной пчелы» и деятельности ее редактора едва ли хотел такого сближения с личностью Булгарина в глазах общественности.

Автобиографическим «Запискам» полностью доверять нельзя, вполне возможно, что водевиль был написан Каратыгиным по совету Булгарина, а впоследствии, когда редактор «Северной пчелы» стал фигурой одиозной, свое сотрудничество с ним афишировать было нежелательно. Но все это может существовать лишь на уровне предположений с разной степенью условности, потому что сведений о взаимоотношениях между Булгариным и Каратыгиным чрезвычайно мало, тем более их недостаточно для того, чтобы судить об источниках пьесы «Натуральная школа». Однако с уверенностью можно сказать, что критик «Северной пчелы» поспособствовал в популярности произведения Каратыгина не в первый раз; на это в своей монографии «Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист..» указывает исследователь А.И. Рейтблат⁶⁰. Так, Каратыгин вспоминал, как в 1830 году появляется отзыв Булгарина на его пьесу «Знакомые незнакомцы»: «Она (рецензия) заставила не только многих обратить на

⁵⁹ <Булгарин Ф.В.> Фельетон. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1848. № 7. 10 янв.

⁶⁰ Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин. С. 104.

меня благосклонное внимание, но даже наш директор (С.С. Гагарин) догадался, что молодой автор, так успешно дебютировавший заслуживает некоторого поощрения. Через несколько дней кн. Гагарин прислал мне золотые часы рублей 200 ассигнациями. Я вполне убежден, что без похвального листа Булгарина я не получил бы этого подарка»⁶¹.

Разумеется, Булгарин сыграл определенную роль в том, что пьеса «Натуральная школа» с ее явным идеологическим окрасом стала известна широкой публике. Однако, с осторожностью можно предположить, что Булгарин не только помог произведению стать известным, но и определенным образом подал для него идею, или, по крайней мере, возможно, сам того не желая, задал Каратыгину направление, ориентируясь на которое тот стал писать свой водевиль. В выпуске 160 «Северной пчелы» от 17-го июля мы читаем: «Когда смотришь на все издали, со стороны, то все это так забавно, что я не могу надивиться, как из одних журнальных объявлений не выкроили до сих пор несколько комедий, десятка два водевилей и дюжины две романов! Богатые сюжеты! Вообразите себе, например, действующим лицом в комедии или романе человека, который имеет такие же заслуги в литературе, как я в Конфуциевой вере, и вот этот человек собирает полуграмотную молодежь, и каждому раздает роли, точно так же, как в старину помещики выбирали деревенских парней и домашние музыканты. Толстые губы у парня и широкая грудь – в трубачи его; раздутое лицо и огромные ноздри – в фэготисты; длинные, сухощавые пальцы – в скрипачи и т.д. Кто громче кричит, смело смотрим в глаза,

⁶¹ Каратыгин П.А. Записки. С. 149.

судит и рядит обо всем, рубит, как говорится, сплеча, не справляясь, что белое, а что черное, тому роль критика. <...> Для сотворения журнального философа-абсолюта составляется общими силами словарь тарабарский, из тетрадок, привезенных лет за двадцать пред сим в Москву из Германии одним почитателем Шеллинга и Гегеля и по этому словарю получается писать чем глупее, тем милее, на том основании, что всё непонятное многим кажется мудреным. <...> Не на смиренных чиновников и не на помещиков должна нападать сатира, а на шарлатанов, которые из литературы, долженствующей быть наставницей и утешительницей, сделали какую-то сварливую, хмельную бабу-торговку, которая бросает в прохожих грязью и гнилыми яблоками!»⁶².

Несмотря на то, что в призыве Булгарина описывать в литературе не «чиновников», а «шарлатанов» видна нескрываемая ирония, всё же, на фоне практически дословных совпадений этой статьи и водевиля «Натуральная школа», можно предположить, что Каратыгин если и не отнесся к этому призыву всерьез, то, по крайней мере, возможно также иронически, позаимствовал фабулу Булгарина. Попробуем обозначить все эти совпадения.

Фабула «Натуральной школы» такова: несколько друзей едут в деревню, но по пути ломается их тарантас, и они решают, чтобы не терять времени зря, себя развлечь, притворившись петербургскими учителями в местном пансионе.

⁶² <Булгарин Ф.В.> Смесь // Северная пчела. 1847. № 160. 17 июля.

Находят воплощение в пьесе следующие слова Булгарина: «...человек собирает полуграмотную молодежь, и каждому раздает роли, точно так же, как в старину помещики выбирали деревенских парней в домашние музыканты». Как это реализуется в водевиле? После решения остановиться в ближайшем пансионе Иван Вихляев, обращаясь к друзьям, говорит: «Ты выдай себя за учителя географии, астрономии и гимнастики, ну а вы Михайло Иванович... как старый землемер, так будьте учителем танцевания». Абсурдная система назначения на должность домашних музыкантов («толстые губы и парня и широкая грудь – в трубачи его»), упомянутая Булгариным, у Каратыгина трансформируется в еще более абсурдную и гротескную, не имея в своем основании теперь уже совершенно никаких даже внешних мотивировок.

Следующее совпадение -- Булгарин говорит, каким должно быть главное действующее лицо произведения: «Вообразите себе, например, действующим лицом в комедии или романе человека, который имеет такие же заслуги в литературе, как я в Конфуциевой вере». То есть акцентируется внимание на бездарности и литературной несостоятельности потенциального героя. Ровно таким же получился Вихляев: он -- типичный герой-плут, не имеющий к литературе никакого отношения, но пытающийся выдать себя за известного писателя.

Также Булгарин говорит о некотором «философе-абсолюте», для возникновения которого нужен особый «тарабарский словарь», составленный из привезенных из-за границы философских «тетрадок». И в пьесе это будет обыграно не раз: Вихляев и компания постоянно

обозначают свою причастность к философии (особенно немецкой классической) чаще всего посредством своей нарочито усложненной речи с множеством терминов и философских понятий. Именно речь компании Вихляева поражает обитателей пансиона своей возвышенностью, а первый «урок», который был дан им в качестве учителя, касался ботаники (очевидно, отсылка к натурфилософии Шеллинга). И здесь мы находим взаимосвязь между «наставлением» Булгарина и пьесой Каратыгина. Сразу здесь же обозначается и следующее совпадение: по мысли Булгарина речь, наполненная терминологией немецкой классической философии, всех будет восхищать, но никому не будет понятна («по этому словарю получается писать чем глупее, тем милее, на том основании, что всё непонятное многим кажется мудреным»), ровно так и происходит в пьесе (подробно об этом будет сказано позже).

Как раз в предыдущем выпуске «Северной пчелы» Булгарин, вновь высказываясь против натуральной школы, призывает бороться с направлением «разумной критикой», которая, по его мнению, не будет продуктивной лишь в виде программных статей – она должна иметь разные формы: «Эта критика должна принимать различные формы и различные образы, подобно Протею, чтоб проникнуть в сокровенные убежища зла. С одной стороны должна действовать против зла наука, с другой игривая насмешка, сатира и эпиграмма»⁶³. Поставленный спустя несколько месяцев водевиль Каратыгина как раз ответил этому запросу Булгарина. Написать против «литературных шарлатанов» водевиль, высмеяв их -- вполне новый метод борьбы. Возможно

⁶³ <Булгарин Ф.В.> Фельетон. Александринский театр // Северная пчела. 1847. № 159. 16 июля.

неслучаен и намек Булгарина в отзыве на постановку «Натуральной школы»: «Мы знаем, кто сочинил эту пьесу, но, до поры до времени, не скажем вам»⁶⁴.

Еще один полемический отзыв "Северной пчелы", который перекликается с водевилем Каратыгина: 1 ноября 1847 года(совсем незадолго до пьесы): «Мы так просты, что ничего не понимаем в этой абстрактивной гуманности, и едва верим себе, что дожили до такой эпохи, в которую подобная гальматья читается на Святой Руси!» Или: «Общий хохот заглушили бы абсолютные принципы нынешней рефлексии, доведшей писак до френетического состояния, иллюзируя обыкновенную субстанциональность и простую реальность силою реактивного идеализирования с устранением изолирования предметов (язык Отечественных Записок!)»⁶⁵. То есть «Северная пчела» дискредитирует язык «Отечественных записок» точь-в-точь таким же образом, что и Каратыгин в своем водевиле. Булгарин, как и Каратыгин нагромождает огромное количество терминов в духе Белинского, чтобы за их количеством скрыть отсутствие какого-либо смысла, и за счет этого усиливался комический эффект. Причем этим «Северная пчела» не ограничивается: «Теперь словесность не сад, а огород, возделываемый для рынка. Вы видели выше образчик языка, которым говорит с русскими людьми журнал, уверяющий в своей программе, что он имеет множество подписчиков и пользуется вниманием публики».

⁶⁴ <Булгарин Ф.В.> Фельетон. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1847. № 260. 15 нояб.

⁶⁵ <Булгарин Ф.В.> Фельетон. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1847. № 246. 1 нояб.

Как уже было сказано, водевиль «Натуральная школа» пользовался успехом у зрителей. Вероятно, это причина, по которой спустя три года известный водевилист и актер Куликов попытался написать сочинение на том же самом материале. В его стихотворной пьесе «Школа натуральная» также изображаются молодые литераторы, которые вводят всех в заблуждение своей пустой болтовней. Но ожидаемого успеха не последовало – пьеса сходит со сцены после пятого представления⁶⁶. Связано это может быть с тем, что позиции натуральной школы по сравнению с временем создания водевиля Каратыгина укрепились и отношение к ней уже более однозначное. Помимо этого, в 1848 году умирает Белинский и «натуральная школа» в привычном виде перестает существовать.

Также следует отметить еще одну особенность: пьеса Каратыгина возникает в то время, когда большинство водевилей существовали с некоторой ориентацией на поэтику натуральной школы, неслучайно многие из них писались в виде «сцен» и «картин». «Натуральная школа» в этом отношении выступает как своего рода оппозиция.

§ 3 «Репертуар и Пантеон» о «Натуральной школе»

Справедливости ради стоит сказать, что на водевиль Каратыгина откликнулась не только «Северная пчела». Каждая из четырех дебютных пьес драматурга получила отзыв в важнейшем для XIX века

⁶⁶ История русского драматического театра: в 7-ми т. Т. 4. М., 1979. С. 58.

театральном журнале «Репертуар и Пантеон», а сам автор был назван «одним из даровитейших писателей, верных русскому театру».⁶⁷

Несмотря на положительную оценку таланта автора, к пьесе «Натуральная школа» «Репертуар и Пантеон» был не так благосклонен. В январской книге мы читаем: «Мы даже не распространились бы об нем (водевиле), если б одна газета⁶⁸ не назвала его выражением общественного мнения об натуральной школе»⁶⁹. То есть пьеса «Натуральная школа» удостоилась отдельной рецензии лишь постольку, поскольку «Северная пчела» своим отзывом могла ввести читателей в заблуждение.

«Репертуар и Пантеон» придерживается отличного от «Северной пчелы» мнения: «Словцо, кстати, l'argoros, везде, в обществе и на театре, всегда обращает на себя более внимания, чем глубокая мысль, мудрое слово, брошенное, как плодотворное зерно, в общество, и требующее проникновения и сознания от слушателей. Животрепещущая современность у всех на языке и перед глазами, и всякий рад встретить повторение ее на сцене, потому что через два-три дня она будет забыта и заменится другими интересами»⁷⁰. Критика «Репертуара и Пантеона» фактически утверждает, что для водевиля (в том числе для «Натуральной школы») важен отклик на сиюминутные события, современность всегда волнует сознание зрителей, в то время как глубокая мысль не всегда найдет столько же отклика.

⁶⁷ <Кони Ф.А.> Театральная летопись // Репертуар и Пантеон. 1848. №1. Т I. Отд. II

⁶⁸ Очевидно речь идет о «Северной пчеле»

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

Однако, несмотря на упомянутую актуальность темы, в «Репертуаре и Пантеоне» уверены, что сатира Каратыгина неудачна, так как автор совершенно поверхностно понимает, что такое натуральная школа и какова ее специфика. Критик «Репертуара и Пантеона» (вероятно Ф.А. Кони) с большой симпатией относится к натуральной школе и не хочет верить, что в пьесе выведены хоть какие-то реальные прототипы ее литераторов: «Поэтому г. водевилисту следовало бы быть поосторожнее в своих выражениях и подумать, что между поборниками натуры есть люди достойные, к которым не идет его чересчур остроумный эпитет гениев задних дворов»⁷¹. «Репертуар и Пантеон» откровенно раздражен нападками на натуральную школу и заключает, что эти «претензии на сатиру» мешают водевилю достичь уровня своего французского образца «On cherche des professeurs»⁷². Такого рода рецензия, несмотря на подробную разработку, видится не совсем справедливой, ведь ирония, комизм и другие важные элементы водевиля не могут реалистически отображать персонажа, а прототипы в водевилях основываются не только на фактических совпадениях с поведением реального человека, но и на преувеличениях, гротеске. Такого рода юмор и может быть не менее смешным, чем схематичный внешний комизм ситуаций. Критика «Репертуара и Пантеона» требует от Каратыгина реалистического изображения, что в рамках водевиля едва ли представляется возможным. Сам характер упреков и избранная критиком риторика дают основания с некоторой долей условности

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

предположить, что имеет место и личное отношение критика. То же самое мы можем сказать и про критику «Северной пчелы».

Таким образом, в настоящей главе представлены доказательства того, что водевиль П.А. Каратыгина однозначно ангажирован критикой «Северной пчелы» и содержит в себе выпады против западника Белинского и его либерально настроенного окружения. Несмотря на то, что сам автор водевиля в своих воспоминаниях отрицал какое-либо влияние Булгарина на свою пьесу, думается, что его слова связаны скорее с неожиданным для него общественным резонансом, который породил водевиль.

Кроме того, можно сделать предположение, что Каратыгин не просто писал "в духе" "Северной пчелы", но и напрямую ориентировался при создании пьесы на слова Булгарина о том, что литература должна высмеивать не "смиранных чиновников", а литературных шарлатанов.

Заключение

В конструировании образов, выведенных в водевилях, можно обозначить две тенденции: во-первых, инерция водевильной традиции, которая не подразумевает глубокой проработки персонажей и четко выраженного психологизма. Вмещааясь в традиционную комедийную форму, славянофил и западник даны нам как в некотором роде образы-схемы, герои-пародии. Было бы некорректно судить героев водевилей по законам больших жанров, в основе их образов традиционно лежит ирония, преувеличение.

Во-вторых, отчасти оба образа ангажированы отношением самих авторов водевилей к идеологической полемике середины века или к либерально настроенному окружению Белинского. Сам факт того, что драматурги обратились к теме идеологической борьбы западников и славянофилов или полемике вокруг натуральной школы в рамках подобных «легких» жанров уже играет определенную роль. Неслучайно автор первого водевиля затрагивал тему полемики дважды: в повести «Тарантас» (1840 год) и во второй раз в драматической пословице «Сотрудники» (1847 год).

Славянофил из пьесы «Сотрудники» Соллогуба предстает набором клише, которые как до водевиля, так и впоследствии тиражировались. Таким образом и вошел в культуру: патриархальный герой, презирующий все западное, в национальном русском костюме и со связкой книг, не раз в пьесе указывается на его совершенную оторванность от реальной жизни; западник же дан в пьесе только чтобы оттенить героя-

Олеговича. Ирония Соллогуба в отношении Олеговича не злая, уничижительная или инвективная, он не изображен подлецом или недостойным человеком, авторской ненависти к нему не угадывается. Соллогуб просто рисует нам пародию на участника славянофильского кружка: возможно именно таким он предстал в глазах современников, не имеющих отношения к идеологической борьбе эпохи. Если в «Тарантасе» герой-славянофил имел внутреннюю точку зрения, его образ был неоднозначным и эволюционировал, то в «Сотрудниках» единственно возможная точка зрения на героя – точка зрения извне, а сам он совершенно одномерен.

Западник из пьесы «Натуральная школа» также обусловлен авторским отношением. В нем угадываются настроения «Северной пчелы» и даже определенные факты дают нам основания полагать, что при создании пьесы Каратыгин так или иначе обращался к Булгарину (об этом было сказано выше). Изобразив круг Белинского в подобной анекдотической форме, так или иначе Каратыгин выразил к полемике и свое собственное отношение.

Герои водевилей представлены таким образом, что становится понятно: авторы не вникали в суть полемики, в программы идеологических кружков, не читали мемуаров, переписки и воспоминаний современников. Раз драматурги не знали и не могли знать особенностей дискуссий, становится понятно, что замкнутые кружки западников и славянофилов изображались ими так, как они выглядели со стороны – только формальные их проявления. С одной стороны, борьба западников и славянофилов освещалась на страницах толстых журналов, там затрагивались и философские и эстетические

воззрения противоборствующих течений, их отношение к политике, церкви, религии и так далее – полемика представлялась там совершенно серьезно. С другой же стороны существовала и противоположная точка зрения: ее могли разделять люди, которые посещали театр, а толстые литературные журналы не читали – это комическое осмысление полемики в рамках водевильной традиции. Отношение к участникам идеологических лагерей здесь несерьезное, ироническое, иногда даже скептическое, а сами участники представляют собой смешных чудаков оторванных от реальной жизни.

Источники

1. Аксаков К.С. Избранные труды. М., 2010. 701 с.
2. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 4. М., 1954. 672 с.
3. Булгарин Ф. В. Видок Фиглярин: Письма и агентур. записки Ф.В. Булгарина в III отд-ние / подгот., предисл. и коммент. А.И. Рейтблат. М., 1998. 703 с.
4. Булгарин Ф.В. Воспоминания: отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни / вступ. ст. и коммент. Н.Н. Акимовой. СПб., 2012. 448 с.
5. <Булгарин Ф.В.> Русская литература // Северная пчела. 1846. №22. 26 янв.
6. <Булгарин Ф.В.> Смесь // Северная пчела. 1847. №160. 17 июля.
7. <Булгарин Ф.В.> Театральная хроника // Северная пчела. 1847. №269. 27 нояб.
8. <Булгарин Ф.В.> Фельетон. Александринский театр // Северная пчела. 1847. № 159. 16 июля.
9. <Булгарин Ф.В.> Фельетон. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1847. № 260. 15 нояб.
10. <Булгарин Ф.В.> Фельетон. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1847. № 282. 13 дек.
11. <Булгарин Ф.В.> Фельетон. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1848. №7. 10 янв.

12. <Булгарин Ф.В.> Фельетон. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1847. №246. 1 нояб.
13. Герцен А.И. Собр. соч.: В 30-ти т. Т. 9. М., 1954. 355 с.
14. Каратыгин П.А. Записки // Русская старина: Ежемесячное историческое издание. Том VII. СПб., 1873. С. 146 – 180.
15. Каратыгин П.А. Натуральная школа. СПб., 1847., 59 с.
16. Киреевский И.В. Киреевский П.В. Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 1. Калуга, 2006. 312 с.
17. <Кони Ф.А.> Театральная летопись // Репертуар и Пантеон. 1848. № 1. Т I. Отд. II
18. Кюстин А. Россия в 1839 году: В 2 т. Т. 1 / пер. с фр. В. Мильчиной и И. Стаф; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. М., 1996. 528 с.
19. Русский водевиль: сборник / сост. Н. Шантаренков. М., 1970. 424 с.
20. Самарин Ю.Ф. Сочинения. М., 1877. 350 с.
21. Соллогуб В.А. Водевиль. М., 1937. 161 с.
22. Соллогуб В.А. Воспоминания графа В.А. Соллогуба: Гоголь, Пушкин и Лермонтов. Новые сведения о предсмерт. поединке Пушкина : Чит. в О-ве любителей рос. словесности. М., 1866. 71 с.
23. Хомяков А.С. Избранные статьи и письма / общ. ред., сост., коммент. Л.Е. Шапошников и др.; вступ. ст. Л.Е. Шапошников. М., 2004. 474 с.

Литература

1. Андреев Л.Г. Альфред де Мюссе и эволюция романтизма // История французской литературы. М., 1987. С. 199–222.
2. Балакин А.Ю. «Литературный» водевиль 1830-1840-х годов: водевиль как средство журнальной и литературной полемики // Балакин А.Ю. Близко к тексту: Разыскания и предположения: [статьи 1997–2017 гг.]. СПб., 2017. С. 261–280.
3. Боров Ю. Б. О комическом. М., 1957. 232 с.
4. Вацура В.Э. Беллетристика Владимира Соллогуба // Вацура В.Э. Материалы к биографии. М., 2005. 688 с.
5. Виноградов В.В. Гоголь и натуральная школа // Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 191–229.
6. Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983. 289 с.
7. История западноевропейского театра: В 8 т. Т. 3. М., 1955. 418 с.
8. История русского драматического театра: В 7 т. Т. 4. М., 1974. 509 с.
9. История русской драматургии XVIII – первая половина XIX века. Л., 1982. 434 с.
10. Крупчанов Л.М. История русской литературной критики XIX века. М., 2005. 384 с.

11. Кулешов В. И. Натуральная школа в русской литературе XIX века. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М., 1982. 224 с.
12. Кулешов В.И. История русской критики XVIII - XIX века. М., 1972. 431 с.
13. Кулешов В.И. История русской литературы XIX века. Учеб. пособие для студентов пед. и-тов. М., 2005. 314 с.
14. Лемке М.К. Николаевские жандармы и русская литература 1825-1856 гг. СПб., 1909. 626 с.
15. Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991. 290 с.
16. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1998. С. 270 - 312.
17. Недзвецкий В.А., Зыкова Г.В. Русская литературная критика XVIII - XIX веков. М., 1994. 304 с.
18. Нечаева. В.С. В.Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности. М., 1949. 156 с.
19. Петровская И. Ф., Сомина В. В. Театральный Петербург: Начало XVIII века – октябрь 1917 года: Обзорение-путеводитель / под общ. ред. И. Ф. Петровской. СПб.: 1994. 448 с.
20. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М., 1999. 413 с.
21. Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы. М., 2016. 632 с.

22. Русская драма эпохи Островского. М., 1984. 464 с.
23. Русская эстетика и критика 40-50-х годов XIX века. М., 1982. 544 с.
24. Славянофилы в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. М., 2016. 656 с.
25. «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов. СПб., 2015. 872 с.
26. Сладкевич Н.Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50 -- начале 60-х гг XIX века. Л., 1962. 285 с.
27. Федотов А.В. Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов. Тарту, 2016. 178 с.
28. Цимбаев Н.И. Славянофильство: из истории русской общественной мысли XIX в. М., 1986. 274 с.